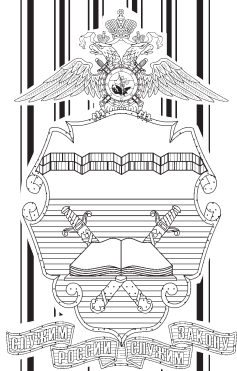

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

На правах рукописи

Дежнев Александр Сергеевич

**Охрана интересов
семьи и несовершеннолетних
в уголовном процессе России**

Специальность 12.00.09 — Уголовный процесс

*Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук*

Омск 2013

Работа выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Научный консультант:

Булатов Борис Борисович — Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Николюк Вячеслав Владимирович — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Московской академии экономики и права

Татьянина Лариса Геннадьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)

Шадрин Виктор Сергеевич — Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Ведущая организация: федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Защита состоится 22 мая 2013 г. в 14⁰⁰ час. на заседании диссертационного совета Д 203.010.01, созданного на базе федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», по адресу: 644092, г. Омск, пр. Комарова, д. 7, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Омской академии МВД России.

Автореферат разослан « ____ » февраля 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

Баландюк В. Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Уголовно-процессуальное право, находящееся под влиянием законов общественной жизни, не может полноценно функционировать без учета первичных социальных связей человека. В значительной мере отражая содержание родственных отношений, они определяют регулирование порядка отвода, законного представительства, свидетельствования, применения мер процессуального принуждения и других направлений уголовно-процессуальной деятельности. С принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) все чаще юридическое значение получают интересы близких лиц, что создает дополнительные основания для теоретического обобщения проблемы. Ее целостное восприятие обуславливает необходимость обращения к институту семьи. В последнее время он находится под пристальным вниманием политического руководства страны¹. Выполняемые семьей социальные функции (защиты, первичного социального контроля, воспитания несовершеннолетнего и др.) имеют высокий регулятивный потенциал, направленный на утверждение охранительных начал в сфере правосудия.

Интеграция Российской Федерации в мировое сообщество формирует самостоятельные предпосылки для учета в уголовном судопроизводстве интересов семьи. Нормы международного права ограничивают негативное воздействие государства на первичные социальные связи людей. Во многих документах этим вопросам отведено центральное место в охранительном «блоке» личной жизни человека. Вместе с тем соответствующие положения в отраслевом уголовно-процессуальном законодательстве не получили должного развития. Нуждаются в обновлении принципы взаимодействия государства и личности в различных ее социальных проявлениях.

Включение семейно-родственных отношений в уголовное судопроизводство не всегда прогнозируется законодателем. Приходится констатировать, что их учет в УПК РФ осуществляется по остаточному принципу. Упоминание в законе такого рода обстоятельств нередко опосредовано необходимостью решения локальных задач отдельных институтов уголовно-процессуального права. Данный подход оказывает негативное влияние на общее состояние охраны

¹ См., напр.: *Послание* Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Дмитрия Медведева // Рос. газета. 2011. 23 дек. ; *Медведев* поддержал идею разработки концепции семейной политики в РФ // Рос. газета. 2011. 5 дек. ; *Послание* Президента Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Рос. газета. 2012. 13 дек.; и др.

интересов семьи. Отступление от базисных явлений общественной жизни приводит к деструктивным изменениям в уголовном судопроизводстве, его разбалансированности, а понятийный аппарат не всегда отражает необходимый спектр регулируемых отношений. Заимствованная в семейном и гражданском законодательстве терминология трактуется специфически и часто требует дополнительной интерпретации.

Заметна увлеченность разработчиков УПК РФ формальными законодательными конструкциями в ущерб социальной ценности права. Возникшие на этом фоне противоречия привели к обоснованным протестам со стороны граждан, вмешательству Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Под их влиянием Конституционный Суд РФ дал расширенную интерпретацию требований ч. 1 ст. 45 УПК РФ, создав новые возможности для участия в деле социального окружения потерпевшего и гражданского истца². Его трактовка содержания ч. 8 ст. 42 УПК РФ позволила снять искусственные ограничения по количеству вовлекаемых в уголовный процесс близких родственников лица, чья смерть наступила в результате преступления³. Еще один шаг на пути утверждения социально значимых интересов личности был сделан Конституционным Судом РФ при проверке положений п. 4 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ст. 254 УПК РФ. Он не только допустил участие в деле близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого) для целей его возможной реабилитации, но и обязал законодателя конкретизировать перечень лиц, которым, помимо близких родственников, может быть предоставлено соответствующее право⁴. Сложилась ситуация для законодательного оформления правовых позиций органа конституционного контроля.

Развитие этих подходов осуществляется под влиянием доминирующего взгляда на семью как первичную ячейку общества. Находясь в точке пересечения личного и общественного, она нередко становится элементом уголовно-процессуальной деятельности. Большая часть изученных уголовных дел (68%) содержит формальные подтверждения учета специфики межличностных отношений в семье при принятии процессуальных решений или при производстве следственных действий. Расширению спектра требующих решения проблем способствует значительное число преступлений, совершаемых на семейно-бытовой почве (30–40%). Есть многочисленные примеры, когда интересы се-

² См., напр.: *Определение Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2003 г. № 446-О* // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3. С. 62–66 ; *Определение Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2003 г. № 447-О* [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2004 г. № 25-О* // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 6. С. 29–32.

³ *Определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2005 г. № 131-О* // Рос. газета. 2005. 15 июня.

⁴ *Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П* // Рос. газета. 2011. 29 июля.

ми, даже не имеющие выраженного внешнего проявления, определенным образом влияют на результаты производства по делу.

Общность семейных интересов способствует расширенному включению в уголовный процесс ближайшего окружения несовершеннолетних, подвергаемых уголовному преследованию. Члены семьи указанной категории лиц принимали участие в 78% изученных уголовных дел. Вместе с тем следует констатировать, что социально-этический потенциал семьи законодатель учитывает не в полной мере. Присущая ей воспитательная функция оставлена без должного внимания. Идея создания в Российской Федерации комплекса специализированных органов ювенальной юстиции⁵ так и не вошла в активную фазу. Многие специалисты настороженно относятся к перспективе ее юридического оформления. Зарубежный опыт работы ювенальных судов не всегда сочетается с российской ментальностью. Потенциальная возможность обособления правового статуса несовершеннолетнего, недостаточная связь с интересами семьи могут спровоцировать социальный конфликт. Уже на уровне законопроекта важно снять эти противоречия, заложить в него механизмы, развивающие социальную характеристику личности несовершеннолетнего. Осмысление функциональной составляющей института семьи позволит сформировать теоретический подход для последующего развития ювенальных технологий в Российской Федерации, на скорейшей реализации которых настаивают органы судебной власти⁶.

Очевидно, что многие недостатки нормативного регулирования охраны интересов семьи и несовершеннолетних носят системный характер. Отсутствие единого подхода к реализации социальных функций семьи в уголовном процессе снижает эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Назрела необходимость в разработке концептуального подхода, определяющего стратегические направления охраны первичных социальных связей в уголовном процессе России.

Степень научной разработанности темы исследования. Институт семьи как социально-этический фактор уголовно-процессуальной деятельности ранее не рассматривался в научной литературе в качестве самостоятельной проблемы. Сфера общественной жизни людей, ее влияние на характер уголовного преследования редко подвергались анализу. Усилия ученых преимущественно были направлены на совершенствование персонафицированного статуса лич-

⁵ *Концепция* судебной реформы в Российской Федерации / сост. С. А. Пашин. М., 1992. С. 57.

⁶ *О судебной* практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 // Рос. газета. 2011. 11 февр. ; *О состоянии* судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования: постановление VII Всероссийского съезда судей от 4 декабря 2008 г. // Рос. юстиция. 2009. № 1. С. 44–54.

ности, реализацию ее субъективных интересов. Интересы семьи затрагивались лишь в числе дополнительных обстоятельств, сопутствующих обеспечению неприкосновенности личной (частной) жизни человека, защите его прав. В рамках этого направления заметный вклад в развитие науки уголовного процесса внесли В. А. Азаров, С. А. Александров, О. И. Андреева, Ф. Н. Багаутдинов, В. П. Божьев, Б. Б. Булатов, Л. М. Володина, В. Н. Галузо, Н. А. Громов, З. Д. Еникеев, О. А. Зайцев, Л. М. Карнеева, Л. Д. Кокорев, Э. Ф. Куцова, А. М. Ларин, П. А. Лупинская, З. В. Макарова, В. В. Николук, И. Л. Петрухин, В. М. Савицкий, И. В. Смолькова, А. А. Тарасов, Л. Г. Татьяна, И. Я. Фойницкий, В. С. Шадрин, С. А. Шейфер, С. П. Щерба, Ю. К. Якимович и др.

Работы указанных авторов позволили сформировать общее представление о системе охранительного правосудия, выделить черты, характеризующие межличностную сферу частной (личной) жизни человека, соотнести ее с интересами семьи. Тем не менее непосредственно социальный аспект уголовно-процессуальной деятельности затрагивался редко. Еще реже в исследованиях звучала тема семьи. Между тем ее влияние на механизм уголовного преследования имеет индивидуальное содержание, способное оказать корректирующее воздействие на ход производства по уголовному делу. Проблемы реализации семьей своих социальных функций в сфере правосудия по уголовным делам отмечались в трудах, посвященных другим областям научных изысканий. В рамках самостоятельного научного направления — семейной криминологии — эти вопросы нашли отражение в работах Л. Л. Ананиана, Ю. М. Антоняна, И. В. Горшкова, Р. М. Зулкарнеева, А. В. Иващенко, А. Н. Ильяшенко, М. П. Клейменова, С. В. Максимова, Г. А. Панфилова, В. П. Ревина, Е. О. Финько, Д. А. Шестакова и др. Проблемы уголовно-правовой охраны интересов семьи и несовершеннолетних подвергались анализу Л. А. Авдеевой, В. Л. Андреевым, В. Б. Боровиковым, Н. И. Ветровым, Н. Н. Косовой, Ю. В. Николаевой, А. В. Пушкиным, Г. А. Решетниковой, С. Н. Сабаниным, Я. Я. Соотак, Ю. В. Усковой, Т. В. Хомутовой и др. Тактика и методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних нашла отражение в трудах С. А. Куемжиевой, Е. В. Кушпель, В. А. Ледашева, С. И. Медведева, Д. И. Соколова и др.

На фоне исследований, проведенных в смежных отраслях знаний, недостаток внимания науки уголовного процесса к проблемам института семьи особенно заметен. Образовавшийся пробел отчасти восполняется в посвященных изучению социальной сущности уголовного судопроизводства работах таких авторов, как Е. С. Алексева, В. И. Бадашханов, А. С. Барабаш, Е. Г. Васильева, А. П. Гуськова, З. Д. Еникеев, П. А. Лупинская, Л. Н. Масленникова, И. Б. Михайловская, В. А. Пономаренков, И. Г. Смирнова, В. Т. Томин и др. Но их оценка влияния первичных социальных связей человека на характер уголовного преследования носит фрагментарный характер и не предполагает создания концепции. Семейные отношения выступают составной частью нравственных, этических основ производства по

уголовным делам. В этом ключе велись исследования А. Д. Бойковым, Г. Ф. Горским, Ю. М. Зархиным, О. Б. Зелинской, Л. Д. Кокоревым, А. Ф. Кони, Д. П. Котовым, Т. Н. Москальковой, А. Р. Ратиновым, М. С. Строговичем и др.

Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные особенностям производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних. Исследования Х. В. Бопхоева, А. К. Белокопытова, Г. Н. Ветровой, О. Х. Галимова, Н. И. Гуковской, И. С. Дикарева, А. И. Долговой, В. А. Лазаревой, А. С. Ландо, Е. В. Марковичевой, С. Б. Мартыненко, И. А. Макаренко, Э. Б. Мельниковой, Г. М. Миньковского, В. И. Никандрова, В. В. Николоюка, В. Т. Очередина, В. А. Панкратова, В. Я. Рыбальской, С. В. Тетюева, Р. С. Хисматуллина и других авторов в определенной степени решают проблему общности интересов семьи и несовершеннолетних. Вместе с тем специфика данного направления уголовно-процессуальной деятельности не позволила распространить ряд идей на всю сферу уголовного судопроизводства. Повышение социальной ценности уголовно-процессуального права требует ухода от сложившихся стереотипов. Расширенное восприятие интересов личности, во многом формируемых благодаря семейным отношениям, способствует гармоничной реализации назначения уголовного судопроизводства. Указанные обстоятельства обусловили выбор темы исследования, определили его объект, предмет, цель и задачи.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования являются правоотношения, возникающие в связи с охраной интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе, в их взаимосвязи с объективно сложившимися формами социальной активности человека, отражающими его семейный статус.

Предметом исследования выступили: положения, отраженные в общепризнанных принципах и нормах международного права, Конституции Российской Федерации, уголовно-процессуальном законодательстве, направленные на охрану интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе; соответствующий отечественный и зарубежный опыт; работы по теории уголовно-процессуального права дореволюционных и современных авторов, в которых давалась оценка семейно-родственным отношениям, а также научные труды по общей теории права, семейному и гражданскому законодательству, социологии; материалы судебной и следственной практики.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является оптимизация правового регулирования отношений, связанных с охраной интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе.

Достижение указанной цели предопределило постановку и разрешение следующих задач:

— выявить исходные социально-правовые предпосылки, обуславливающие необходимость охраны интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе;

- дать ретроспективный анализ подходов законодателя к оценке первичных социальных связей человека в уголовном процессе;
- изучить правовую основу современного состояния охраны интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе;
- определить сущность и взаимосвязь интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе;
- оценить влияние социальных функций семьи на развитие отдельных институтов и норм уголовно-процессуального права;
- дать оценку семейным отношениям в системе оснований допуска лиц к участию в деле и их отвода;
- изучить состояние охраны интересов семьи и несовершеннолетних при применении к участникам уголовного процесса мер принуждения;
- исследовать состояние охраны интересов семьи и несовершеннолетних в процессе собирания доказательств по уголовным делам;
- определить место семьи в системе гарантий охраны интересов несовершеннолетних в уголовном процессе;
- предложить теоретическую модель охраны интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе, разработать на ее основе рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Методологическая основа исследования. Диссертационное исследование базируется на общенаучном диалектическом методе познания объективной действительности. Обоснованность выводов и рекомендаций, содержащихся в диссертации, достигается также за счет комплексного использования системного, исторического, социологического, сравнительно-правового, формально-логического и статистического методов. Выводы основаны на сравнительном анализе значительного числа нормативно-правовых источников, включая международно-правовые документы и рекомендации, российское и зарубежное уголовно-процессуальное законодательство.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили фундаментальные разработки представителей наук теории государства и права, уголовного и уголовно-процессуального права, гражданского и семейного права, криминалистики и криминологии, а также труды в области философии, психологии и социологии.

Эмпирическая база исследования. Сбор эмпирического материала, положенного в основу настоящего исследования, проводился в течение 10 лет. Для обоснования выводов, обеспечения должной репрезентативности результатов исследования автором лично, а также под его руководством проведено анкетирование и интервьюирование 650 практических работников прокуратуры, следственного комитета, адвокатуры, органов внутренних дел (следователей и дознавателей), судей, а также представителей профессорско-преподавательского состава вузов МВД России, чья профессиональная деятельность связана

с преподаванием дисциплины «Уголовный процесс». Результаты анкетирования и интервьюирования были получены в Барнауле, Волгограде, Воронеже, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Омске и Ростове-на-Дону. Изучено 730 уголовных дел, находившихся в производстве органов предварительного расследования и судов Республики Саха (Якутия), Алтайского, Красноярского и Пермского краев, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Тюменской и Челябинской областей.

При подготовке диссертации широко использовались результаты эмпирических исследований, полученные другими авторами в ходе разработки смежных тем, а также личный опыт практической деятельности в следственном аппарате органов внутренних дел.

Научная новизна проведенного исследования заключается в авторской интерпретации интересов семьи и несовершеннолетних как единого объекта уголовно-процессуальной охраны. Впервые в науке уголовного процесса разработана концепция реализации интересов семьи и несовершеннолетних, выступающая теоретической основой для качественных изменений отдельных институтов и норм уголовно-процессуального права, направленных на сохранение первичных социальных связей человека.

Сквозь призму социальной сущности личности дается оригинальная трактовка коллективных интересов семьи. Предложенный теоретический подход способствовал выявлению недостатков уголовно-процессуального законодательства, ограничивающих реализацию социальных функций семьи. Обоснована позиция, связывающая процесс совершенствования УПК РФ с базисными явлениями общественной жизни, включая национально-ментальное содержание межличностных отношений в семье, объективно сложившийся спектр социальных ожиданий людей.

Новизна исследования заключается также в комплексной оценке нравственного содержания интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе. Определяется их роль в формировании субъективных интересов личности. На основе изучения закономерностей социальной жизни обосновывается новое направление научного поиска, в рамках которого разработана модель правового регулирования отношений, возникающих между семьей и государством при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Нетрадиционная постановка проблемы исследования позволила создать концепцию, объясняющую узловые аспекты уголовно-процессуальной деятельности, включающие ее в общее социальное пространство. Определен критерий оптимального регулирования отношений, направленных на охрану интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе. Показано новое видение принципов организации и деятельности в Российской Федерации органов ювенальной юстиции, специфики производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних. Разработаны адаптированные рекоменда-

ции по реформированию законодательства, способствующие повышению социальной ценности уголовно-процессуального права.

Научную новизну исследования определяют также **основные положения, выносимые на защиту**:

1. Институт семьи концентрирует в себе комплекс социально-этических норм, которые объективно интегрируются в уголовное судопроизводство, отражая существо совместной жизни людей. Будучи феноменом общего порядка, семья оказывает корректирующее влияние на характер регулируемых уголовно-процессуальным правом отношений. Это способствует развитию в УПК РФ системы гарантий, направленных на охрану социальных свойств личности.

2. Состояние охраны интересов семьи исторически оказалось в зависимости от специфичных задач отдельных институтов уголовно-процессуального права (отводов, законного представительства, защиты и др.). Растущее под влиянием международных стандартов число норм, направленных на учет интересов семьи в сфере правосудия по уголовным делам, обуславливает необходимость изменения сложившегося подхода путем введения общего правового режима охраны первичных социальных связей человека.

3. Мера учета интересов семьи в уголовном процессе должна быть поставлена в зависимость от объективной необходимости реализации ею ряда социальных функций (защиты, первичного социального контроля, оказания на несовершеннолетнего воспитательного воздействия и др.). Они служат основой для определения критериев оптимального регулирования отношений в сфере охраны интересов семьи при производстве по уголовным делам. Развитие функционального подхода в УПК РФ способствует достижению целей уголовного судопроизводства с минимальными потерями для социальной характеристики личности.

4. Интересы семьи в уголовном процессе отражают стремление определенной группы людей, связанных между собой отношениями родства, супружества или свойства, общностью быта, а также взаимной моральной и правовой ответственностью, к реализации ими социально значимых функций при производстве расследования или судебного разбирательства уголовных дел, а также разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора.

5. Внутренне присущая связь несовершеннолетнего с семьей формирует единый объект уголовно-процессуальной охраны. Свойственная современному этапу развития органов ювенальной юстиции излишняя персонификация правового положения несовершеннолетнего допускает разрыв первичных социальных связей человека еще на стадии формирования его личности. Широкое использование психолого-педагогического потенциала семьи в уголовном процессе осложняется отсутствием принципиальной нормативно-правовой позиции государства по данному вопросу. Требуется переориентация законодательной концепции судопроизводства по делам несовершеннолетних. Она

должна строиться с учетом функциональной характеристики института семьи, подчинения формальных процедур воспитательному началу правосудия.

6. В условиях охранительного правосудия обоснована потребность минимизации государственного вмешательства в те сферы общественной жизни человека, где конфликт может быть исчерпан на уровне нравственных правил и норм. При совершении несовершеннолетним преступления небольшой или средней тяжести против собственности членов своей семьи, предусмотренно-го главой 21 УК РФ, приоритетное значение должны иметь диспозитивные начала уголовного судопроизводства. Определена необходимость отнесения данной категории преступлений к делам частного обвинения.

7. Реализация социальных функций семьи в уголовном процессе обуславливает необходимость участия в деле близких родственников и иных лиц в качестве защитников подозреваемого, обвиняемого. Получение близкими родственниками и иными лицами соответствующего статуса не должно ставиться в зависимость от категории уголовных дел или стадии уголовного процесса. Требуется изменение сформулированного в ч. 2 ст. 49 УПК РФ подхода законодателя, который в ущерб социальной ценности права ограничивает альтернативные возможности защиты от уголовного преследования лицами, не включенными в корпорацию адвокатов.

8. Охрана интересов семьи определяет необходимость закрепления в законе единого порядка реагирования на факты смерти участников уголовного процесса, имевших в деле самостоятельный интерес. Содержащийся в ч. 8 ст. 42 УПК РФ механизм, истолковываемый судебной-следственной практикой расширительно, требует своего развития. Правами потерпевшего в случае смерти лица предлагается наделять членов его семьи по их ходатайству. Участие в деле указанных лиц не должно зависеть от причин смерти потерпевшего. Этот подход следует распространить на случаи наступления смерти подозреваемого, обвиняемого, гражданского истца и гражданского ответчика.

9. Сформулированная в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июня 2011 г. № 16-П правовая позиция образует новое условие для принятия решения о прекращении уголовного дела в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Данная форма окончания производства по делу, при наличии оснований для реабилитации умершего, должна ставиться в зависимость от согласия не только близких родственников, но и других совершеннолетних членов его семьи. Отсутствие с их стороны положительного заключения открывает доступ к участию в деле указанных лиц без определенного процессуального статуса для реализации прав подозреваемого, обвиняемого.

10. Закрепленные в ст. 61 УПК РФ основания отвода не учитывают весь спектр семейных отношений, влекущих необходимость исключения участия в деле судьи, прокурора, следователя или дознавателя ввиду их возможной за-

интересованности. В целях защиты интересов правосудия предложен самостоятельный учет в законе отношений свойства при осуществлении отвода указанных должностных лиц.

11. Осуществление присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым его родителями должно находиться в прямой зависимости от возможности выполнения семьей определенных социальных функций (первичного социального контроля, оказания на несовершеннолетнего воспитательного воздействия и др.). Однако законодательно исполнение данной меры пресечения не связано с указанными обстоятельствами социального порядка. Положения ст. 105 УПК РФ должны содержать правило, предусматривающее освобождение лица от обязанности по осуществлению присмотра ввиду болезни, значительно ухудшения взаимоотношений в семье, других причин, исключающих возможность обеспечения надлежащего поведения несовершеннолетнего.

12. Сформулированная законодателем обязанность информирования близких родственников или родственников подозреваемого, обвиняемого о применении к нему задержания или заключения под стражу не исключает возможности оставления членов семьи в неведении о местонахождении их близких. Предлагается внести изменения в УПК РФ, определяющие необходимость извещать членов семьи подозреваемого, обвиняемого при применении к ним соответствующих мер принуждения, включая случаи помещения лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы.

13. Последовательность законодательной политики в сфере охраны интересов семьи и несовершеннолетних обуславливает необходимость дополнительного межведомственного регулирования порядка организации присмотра за несовершеннолетними детьми и другими нетрудоспособными членами семьи, оставшимися без попечения в связи с задержанием или заключением подозреваемого или обвиняемого под стражу. Оно предполагает закрепление определенной схемы взаимодействия органов предварительного расследования и суда с органами опеки и попечительства, социальной защиты населения, медицинскими учреждениями. Необходимо предусмотреть в законе право органов предварительного расследования и суда выносить решения, направленные на принятие данными учреждениями оперативных мер реагирования в случаях нахождения лица в социально опасном положении при применении к членам их семьи соответствующих мер процессуального принуждения. Этот порядок нуждается в распространении на случаи помещения лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы (ст. 203 УПК РФ), избрания домашнего ареста не по месту жительства обвиняемого (подозреваемого).

14. Совместный режим собственности супругов, других членов семьи не учтен в системе законодательной регламентации порядка наложения ареста на имущество. Арест предлагается налагать на долю имущества обвиняемого

(подозреваемого), находящегося в совместной собственности супругов или членов семьи. При наличии достаточных доказательств о том, что совместная собственность приобретена или увеличена на средства, нажитые преступным путем, арест следует налагать на все имущество супругов или членов семьи или большую его долю.

15. Пределы реализации закрепленного в ст. 51 Конституции РФ права не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников нуждаются в законодательном определении. Применение нормы иммунитета необходимо ограничить случаями получения сведений, избобличающих лицо в совершении преступления. При вовлечении в дело малолетних участников уголовного процесса разъяснение соответствующего положения должно быть поставлено в зависимость от уровня развития ребенка, его способности оценить содержание права на молчание. Нуждается в расширении круг субъектов права не свидетельствовать, его предлагается увеличить за счет фактических воспитателей несовершеннолетнего, а также законных представителей.

16. Законодатель искусственно ограничивает перечень лиц, обладающих статусом законного представителя в уголовном процессе (п. 12 ст. 5 УПК РФ). С учетом межотраслевого содержания его правового положения к законным представителям следует относить родителей, усыновителей, опекунов или попечителей несовершеннолетних участников уголовного процесса, представителей учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, органы опеки и попечительства, а также опекунов или попечителей совершеннолетних участников уголовного процесса, не обладающих полной дееспособностью.

Теоретическое и практическое значение диссертационного исследования состоит в том, что его результаты вносят определенный вклад в науку уголовного процесса, являются теоретической основой для оптимизации практической деятельности и комплексного применения норм, направленных на охрану интересов семьи и несовершеннолетних.

Автор не только констатирует наличие крупной проблемы в современном российском уголовном судопроизводстве, но и, основываясь на анализе научных и прикладных работ, дает ее развернутое теоретическое обоснование, а также формулирует направления и способы разрешения. Результаты исследования образуют концепцию, открывающую новые возможности повышения социальной ценности уголовно-процессуального права, создают предпосылки для развития самостоятельного направления научного поиска.

Теоретические выводы и практические рекомендации по результатам исследования могут использоваться работниками правоохранительных органов, судьями в их профессиональной деятельности, а также при совершенствовании законодательства, разработке инструкций и других ведомственных нормативных актов.

Кроме того, изложенные в диссертации предложения, выводы и рекомендации могут найти применение в преподавании дисциплины «Уголовный процесс», спецкурсов, посвященных изучению правоприменительной деятельности правоохранительных органов в системе вузовского и послевузовского профессионального образования, повышения квалификации практических работников, подготовке научных работ и учебно-методических материалов по данной проблематике.

Апробация результатов исследования. Результаты проведенного исследования, сформулированные на их основе выводы, предложения и рекомендации прошли обсуждение на кафедре уголовного процесса Омской академии МВД России, использовались при подготовке научных публикаций, сообщений и методических рекомендаций для практики правоприменения.

Теоретические и прикладные положения диссертации стали предметом обсуждения на более чем двадцати научно-практических конференциях, состоявшихся в Иркутске (1999, 2000 гг.); Красноярске (2000, 2010 гг.); Омске (2000, 2002, 2004, 2005, 2006, 2010, 2011 гг.); Караганде (2004, 2006 гг.); Челябинске (2006, 2011 гг.); Тюмени (2009, 2011 гг.); Самаре (2010 г.); Барнауле (2010 г.); Хабаровске (2011 г.) и Москве (2011 г.).

Основные результаты исследования опубликованы в пятидесяти шести работах, общим объемом более 55 авторских листов, подготовленных лично соискателем или в соавторстве. Среди них две монографии, два учебных пособия и один учебник.

Сформулированные автором предложения и выводы по теме диссертационного исследования в виде законопроекта направлялись в Государственную Думу Российской Федерации. Наиболее существенные положения и выводы диссертации нашли отражение в методических рекомендациях и учебных материалах, которые используются в практической деятельности Следственного управления МВД по Республике Карелия, Главного следственного управления ГУ МВД России по Челябинской области, УМВД России по Омской области, УМВД России по Смоленской области, что подтверждается соответствующими актами.

Положения диссертационного исследования нашли отражение в учебном процессе Волгоградской академии МВД России, Нижегородской академии МВД России, Омской академии МВД России, Дальневосточного юридического института МВД России, Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (до декабря 2011 г. — Калининградский юридический институт МВД России).

Отдельные авторские разработки и выводы диссертации реализованы при подготовке теоретических курсов учебных дисциплин «Охрана прав личности в уголовном процессе» и «Предварительное следствие в органах внутренних дел». Материалы диссертационного исследования в виде научных статей пред-

ставлены и востребованы в информационно-правовой системе «Консультант-Плюс», чем обеспечена их общедоступность.

Структура работы обусловлена внутренней логикой изложения проблемы. Диссертация выполнена в объеме, предусмотренном Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России, состоит из введения, пяти глав, включающих четырнадцать параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений, в которые вошли доктринальный Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон „О полиции“, Семейный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон „О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений“» и Проект Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации».

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы; определяются цель и задачи, объект и предмет исследования; отражается его методология, аргументируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость; дается характеристика эмпирической базы работы; формулируются положения, выносимые на защиту; приводятся сведения об апробации полученных результатов.

Первая глава «Теоретико-правовые основы охраны интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России» состоит из четырех параграфов. На основе анализа научных исследований в области философии, социологии, психологии, юриспруденции, других отраслей знаний в ней представлена теоретическая основа проблемы охраны интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе, которая имеет методологическое значение для всего диссертационного исследования.

В *первом параграфе* «Социально-правовая обусловленность охраны интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе» анализируется место семьи в системе сложившихся общественных отношений. Статус «первичной ячейки человеческого общества» подчеркивает ключевую роль этого института в развитии цивилизации. Определяется социально-политическое значение семьи в современном мире. Делается вывод о том, что право не может рассматриваться изолированно от базисных явлений общественной жизни. Обосновывается объективная необходимость включения в УПК РФ системы норм, направленных на охрану первичных социальных связей человека. Отмечается, что соответствующие правовые средства характеризуют нрав-

ственный потенциал уголовного судопроизводства и призваны воспрепятствовать разрушению личной сферы жизнедеятельности человека.

Интересы семьи широко представлены во многих принципах и институтах уголовно-процессуального права. Особенно отчетливо они прослеживаются при осуществлении представительства, реализации норм свидетельского иммунитета, осуществлении отводов, применении мер процессуального принуждения и в других случаях. Без вторжения в семейную жизнь невозможно раскрыть некоторые категории преступлений. По данным криминологических исследований, количество тяжких насильственных преступлений, совершенных на семейно-бытовой почве, составляет около 30–40% (А. Н. Ильяшенко, Д. А. Шестаков, Е. О. Финько и др.). Даже при дефиците нормативной регламентации семейные отношения, в силу их естественного характера, входят в содержание ряда направлений уголовно-процессуальной деятельности. Они служат условием формирования субъективных интересов личности. Анализируя социальный контекст понятия «личность», автор поддерживает вывод о том, что его широкое использование в УПК РФ оправданно (А. П. Гуськова).

При определении социально-этического содержания интересов семьи делается акцент на национально-ментальной характеристике личности. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в стране насчитывается более 180 национальностей и этнических групп⁷. Специфика их отношений с близкими оказывает корректирующее влияние на функционирование отдельных институтов уголовно-процессуального права (суда присяжных, свидетельствования, отводов и др.). Высокая значимость семейных связей, особенно среди мусульман и представителей народов Северного Кавказа, способствует развитию особых форм взаимодействия института семьи и правоохранительной системы.

Подчеркивается взаимосвязь интересов семьи и несовершеннолетних. На законодательном уровне она проявляется в институте законного представительства (ст. ст. 426, 428 УПК РФ), реализации специальной меры пресечения (ст. 105 УПК РФ), обеспечении требований ст. 160 УПК РФ и др. Особое «звучание» эта проблема получает в перспективных проектах по созданию системы органов ювенальной юстиции. Отстаивается идея расширения учета интересов семьи при создании правовой основы функционирования специализированного правосудия по данной категории уголовных дел.

Делается вывод о том, что институт семьи пронизывает наиболее значимые сферы уголовного судопроизводства, привнося в него характерные социально-этические черты. Находясь на стыке общественного и личного, он оказывает корректирующее влияние на специфику уголовно-процессуальных отношений, формирует предпосылки для включения первичных социальных связей человека в систему уголовного судопроизводства.

⁷ *Вот какие мы* — россияне. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // Рос. газета. 2011. 22 дек.

Во *втором параграфе* «Исторические формы охраны интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе» проводится мысль о том, что обстоятельства совместной жизни людей находят отражение в уголовно-процессуальном законодательстве любого исторического периода. От родовой мести, по мере развития общественных отношений, интересы семьи стали получать все более цивилизованные формы реализации в уголовном процессе. Исследование позволило выявить зависимость состояния охраны интересов семьи от уровня гуманизации общественных отношений, политико-правового режима в стране.

До принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. учет интересов семьи носил локальный характер. Соответствующие нормы в Соборном Уложении 1649 г., Своде законов Российской империи 1832 г. в значительной мере подчинялись решению задач конкретных институтов уголовно-процессуального права и не преследовали цель комплексной охраны первичных социальных связей человека. Разработчикам Устава уголовного судопроизводства 1864 г., принятого под влиянием либерально-демократических реформ, удалось поднять уровень защищенности интересов семьи и несовершеннолетних на достаточно высокий уровень. Однако они не смогли изменить сложившийся ранее подход.

Последующая смена общественного строя в 1917 г. не способствовала развитию в уголовно-процессуальном законодательстве охранительных норм. Наиболее заметно это было в период действия УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. Позже разработчикам УПК РСФСР 1960 г. удалось восстановить часть ранее утраченных позиций в сфере охраны интересов семьи и несовершеннолетних. Более активно этот процесс стал развиваться после 1991 г. Новый политический курс, принятие Конституции РФ 1993 г. определили быстрый рост числа гарантий, направленных на охрану первичных социальных связей человека. Эта тенденция получила развитие и в УПК РФ.

На протяжении всей истории уголовного судопроизводства для охраны интересов семьи законодатель преимущественно использует терминологию, присущую родственным отношениям. Понятия «родственники» и «близкие родственники» традиционно включались в содержание уголовно-процессуальных норм. Они позволяли учитывать наиболее важный «срез» семейных отношений, хотя и не охватывали весь спектр первичных социальных связей. Для более полной оценки межличностных отношений в семье возникала необходимость самостоятельного учета отношений супружества и свойства. Свое отражение они нашли в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. ст. 85, 600) Последующая трансформация законодательства привела к введению понятия «близкие лица», которое наряду с понятиями «родственники», «близкие родственники» способствовало расширению круга охраняемых законом семейных отношений.

Исторически законодатель всегда стремился к персонификации правового положения несовершеннолетних, их связь с интересами семьи проводилась редко. Даже принятие во второй половине XIX в. весьма прогрессивных для того времени законов (Устава уголовного судопроизводства 1864 г.; Закона о малолетних и несовершеннолетних преступниках от 2 июля 1897 г.) в корне не изменило положения. Лишь последовательное введение в конце XIX — начале XX вв. в ряде стран, включая Россию, ювенальных судов способствовало улучшению ситуации. В диссертации отмечается, что специализированный суд имел довольно большой для того времени потенциал в сфере охраны коллективных интересов семьи и несовершеннолетних. Однако небольшой период функционирования ювенальных судов на территории России не позволил ему полностью раскрыться.

Накопленный опыт позволил создать особое производство в отношении несовершеннолетних (глава 32 УПК РСФСР 1960 г.). Интересы семьи в механизме расследования и судебного разбирательства такого рода уголовных дел стали учитываться законодателем в расширенном объеме. На примере участия законных представителей (ст. ст. 398, 399 УПК РСФСР), применения специальной меры пресечения (ст. 394 УПК РСФСР), особого предмета доказывания (ст. 392 УПК РСФСР), особого порядка вызова несовершеннолетнего обвиняемого (ст. 395 УПК РСФСР) видны последовательные шаги государства в сторону усиления роли семьи в механизме реализации уголовной ответственности несовершеннолетних.

Автор приходит к выводу о том, что развитие законодательной основы охраны интересов семьи и несовершеннолетних носило хаотичный характер, замыкалось на задачах отдельных институтов уголовно-процессуального права (преимущественно свидетельского иммунитета, отводов, защиты и представительства). Отсутствие системной согласованности исследуемых норм препятствовало комплексной реализации наиболее значимых интересов личности при производстве по уголовным делам. Заметна второстепенная роль семьи в процессе формирования особого правового статуса несовершеннолетнего. Наблюдаемая в последнее время тенденция расширения средств охраны интересов семьи и несовершеннолетних требует выработки оптимальных законодательных схем, обеспечивающих эффективное функционирование уголовно-процессуальных норм в условиях усиления роли первичных элементов социальной структуры общества.

В *третьем параграфе* «Правовые основы современного состояния охраны интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе» определяется система нормативно-правовых актов, включающая меры охраны первичных социальных связей человека при производстве расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Автор обращает внимание на то, что в содержании большинства документов, касающихся вопросов реализации основных (естественных) прав и свобод человека, подчеркивается необходимость мини-

мизации вмешательства государства в сферу семейных отношений (Всеобщая Декларация прав человека 1948 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и др.).

Отмечается, что на международном уровне интересы семьи увязаны с интересами несовершеннолетних (Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г., Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) 1990 г. и др.). Нормы международного права ограничивают возможность разлучения детей и родителей при применении мер процессуального принуждения. Поддержание социальных связей несовершеннолетнего с семьей рассматривается мировым сообществом как охранительная мера. Отступление от этого подхода допускается международными соглашениями лишь в крайних случаях, когда семья не выполняет свои социальные функции, оказывает негативное воздействие на несовершеннолетнего, создавая предпосылки для его криминального поведения.

Предусмотренный международными актами общий подход оказал влияние на построение некоторых конституционных норм (ст.ст. 23, 25, 51), развитие системы гарантий охраны интересов несовершеннолетних в УПК РФ (глава 50). При этом, в отличие от норм международного права и Конституции РФ, в УПК РФ законодатель уходит от широкого использования понятий «семья» и «член семьи». Охрана семейных отношений осуществляется преимущественно через более точные с юридической точки зрения понятия «близкие родственники» и «родственники», не допускающие расширительного толкования в силу биологического характера данных связей. Включение в УПК РФ понятия «близкие лица» наряду с понятием «родственники» вызвано необходимостью охвата дополнительных «граней» семейных отношений (например, отношений свойства). Используемый законодателем подход позволяет избирательно подходить к объему регулируемых отношений. Вместе с тем сформулированные в ст. 5 УПК РФ дефиниции «родственники» и «близкие лица» нуждаются в доработке с учетом требований гражданского и семейного права. Предложена их новая редакция.

Автор приходит к выводу о том, что использование в УПК РФ понятий «близкие родственники», «родственники» и «близкие лица» вместо «семья» и «член семьи» является свидетельством адаптации сложившихся социальных отношений к правовым условиям уголовно-процессуальной деятельности. В большинстве случаев это позволяет избежать излишней оценочности в охране исследуемых социальных связей.

Анализ приведенных в научной литературе подходов (А. Г. Харчев, П. А. Матвеев, О. Ю. Косова, А. М. Нечаева и др.) способствовал определе-

нию для целей исследования понятия семьи как *союза лиц, связанных между собой отношениями родства, супружества или свойства, общностью быта, совместного общежития, а также взаимной моральной и правовой ответственностью.*

Изучение соотношения используемых в работе понятий «охрана» и «защита» привело к выводу о том, что первое из них имеет более общий характер (В. А. Азаров, В. И. Абрамов, М. Л. Базюк, В. Г. Клочков, Н. И. Матузов, А. М. Нечаева, О. А. Снежко и др.). Анализ различных подходов к этой проблеме позволил выстроить позицию, согласно которой охрана интересов семьи предполагает формирование правового режима, направленного на создание условий оптимального жизнеобеспечения «первичной ячейки человеческого общества» при производстве расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Поскольку семья не является субъектом права, приводятся аргументы в пользу того, что защита должна предполагать реализацию в уголовном процессе персонифицированных интересов отдельных членов семьи.

В *четвертом параграфе* «Социальные функции семьи в контексте уголовно-процессуальной деятельности» определяется система социальных функций семьи, ее влияние на реализацию отдельных институтов и норм уголовно-процессуального права. Социологические исследования показывают, что каждый социальный институт возникает для выполнения определенных социальных функций. Социальные функции семьи отражают способы проявления активности, жизнедеятельности семьи и ее членов, способствуют реализации интересов этой социальной группы, дают представление о направлениях удовлетворения своих потребностей. Важнейшими из них считаются репродуктивная, воспитательная, коммуникативная, хозяйственно-бытовая, экономическая функции, функции защиты, эмоционального удовлетворения и первичного социального контроля (Ю. П. Андреев, Н. М. Коржевская, Н. Б. Костина, М. С. Мацковский и др.). Отражая активную сторону жизни «первичной ячейки человеческого общества», значительная часть этих функций проявляется в уголовном процессе. Приводятся аргументы в пользу того, что они оказывают существенное влияние на развитие ряда институтов и норм уголовно-процессуального права.

Автор пришел к выводу о том, что в силу специфики уголовно-процессуальной деятельности функция защиты оказывает наиболее заметное влияние на порядок производства по уголовным делам. Она связана с необходимостью поддержки членов семьи, предохранения их от внешних угроз. Законодатель допускает возможность осуществления функции защиты путем участия близких родственников обвиняемого или иных лиц в качестве защитников по уголовным делам (ч. 2 ст. 49 УПК РФ), законных представителей несовершеннолетних (ст.ст. 426, 428 УПК РФ). Реализации этой функции дополнительно способствует ст. 51 Конституции РФ, а также нормы, отражающие правовой статус потерпевшего (ч. 8 ст. 42, ст. 45, ч. 2 ст. 318 УПК РФ) и др.

Единство воспитательных задач семьи и общества оправдывает учет в уголовном процессе воспитательной функции семьи. Участие в деле законных представителей (ст. 426, 428 УПК РФ), применение к несовершеннолетнему специальной меры пресечения (ст. 105 УПК РФ) позволяют шире использовать потенциал семьи для достижения воспитательного эффекта при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Анализируя необходимость учета в уголовном процессе функции первичного социального контроля, автор делает вывод о том, что она связана с моральной регламентацией поведения членов семьи и во многом дополняет другие направления их деятельности в уголовном процессе. Сфера социального контроля, наряду с воспитательной функцией, имеет большое значение при осуществлении присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105 УПК РФ). Государство возлагает соответствующие контрольные обязанности на законных представителей (чаще — родителей) преследуемого лица при вызове несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на допрос (ст. 424 УПК РФ).

В работе обосновывается, что применение меры пресечения в виде заключения лица под стражу обуславливает необходимость принятия мер попечения о детях, иждивенцах подозреваемого или обвиняемого, а также мер по обеспечению сохранности его имущества (ст. 160 УПК РФ). Невозможность выполнения ряда социальных функций семьи в связи с применением к лицу соответствующей меры пресечения обязывает государство взять их реализацию на себя. Автор констатирует необходимость осуществления семьей других социальных функций в ходе уголовно-процессуальной деятельности. Их учет в УПК РФ способствует оптимизации производства по уголовным делам, выработке критериев оптимального регулирования отношений в данной сфере.

Анализируя категории «интерес», «интересы личности», «личные интересы», «частные интересы», «общественные интересы», «законные интересы», другие смежные понятия, автор пришел к выводу о том, что интересы семьи представляют собой группу коллективных частных интересов. Этот вывод обусловлен специфичностью самой семьи как особой формы человеческой общности. Тот факт, что семья — малая социальная группа людей, позволяет ей иметь общесемейные интересы, которые гармонично включены в структуру частных интересов личности.

Аргументируется вывод о том, что интересы несовершеннолетних преимущественно должны представляться через интересы семьи. В силу факторов происхождения детей, совместного проживания с родителями, других социально-этических причин, интересы семьи и несовершеннолетних чаще всего совпадают между собой. Иной характер взаимосвязи обуславливает необходимость процессуального реагирования на случаи нанесения ущерба

интересам несовершеннолетнего участвующими в деле его законными представителями (ч. 4 ст. 426; ч. 2 ст. 428 УПК РФ).

С учетом охранительной сущности правосудия отстаивается потребность минимизации государственного вмешательства в те сферы общественной жизни человека, где конфликт может быть исчерпан на уровне нравственных правил и норм. Определена необходимость отнесения преступлений небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетними против собственности членов своей семьи, к категории дел частного обвинения.

Автор приходит к выводу о том, что интересы семьи в уголовном процессе отражают стремление определенной группы людей, связанных общностью происхождения, совместного общежития, взаимной моральной и правовой ответственностью, к реализации ими социально значимых функций при производстве расследования или судебного разбирательства уголовных дел, а также разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора.

Вторая глава «Доступ членов семьи к участию в деле и их отвод» состоит из трех параграфов и посвящена исследованию оснований и порядка допуска и отстранения от участия в деле лиц, связанных семейными отношениями с участниками уголовного процесса. В *первом параграфе* «Доступ членов семьи к участию в деле в качестве защитников и представителей» анализируются теоретико-правовые основания и порядок реализации семьей социальной функции защиты в уголовном процессе. В работе отстаивается необходимость снятия законодательного ограничения самостоятельного участия в деле защитников — близких родственников обвиняемого или иных лиц (ч. 2 ст. 49 УПК РФ). Констатируется, что расширенная интерпретация конституционного права на квалифицированную юридическую помощь привела к доминирующему положению адвокатов в сфере представительства интересов подозреваемого, обвиняемого. Ограниченные возможности суда в досудебном производстве не позволяют активно задействовать потенциал семьи для защиты близких родственников и иных лиц.

Автор критически относится к сформулированной Конституционным Судом РФ правовой позиции по этому вопросу (Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 г. № 2-П). Уже на этапе принятия документа она подвергалась заслуженной критике со стороны четырех судей Конституционного Суда РФ, выразивших в особом мнении свое несогласие с официальным выводом. Поддерживается их тезис о том, что закрепленное в ст. 48 Конституции РФ право, с учетом содержания подпункта «д» пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, не может рассматриваться как обязанность обвиняемого (подозреваемого) обращаться за оказанием юридической помощи только к членам коллегии адвокатов.

По мнению соискателя, обвиняемый или подсудимый не всегда видят в защитнике только юриста. Психологическая помощь, нравственная поддержка

для человека не менее значимы, чем юридическая консультация. Этот социально-этический фактор законодатель недооценивает. Наличие юридического образования, как свидетельствует практика, фактически становится условием допуска близких родственников и иных лиц к участию в деле в качестве защитников. Формальное следование праву на квалифицированную юридическую помощь заставляет правоприменителя отводить близким родственникам и иным лицам второстепенную роль. Лишь в 6% изученных нами уголовных дел они были допущены в качестве защитников.

Как показало исследование, реализацию принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту законодатель не связывает исключительно с деятельностью адвоката. Право на квалифицированную юридическую помощь является частью рассматриваемого принципа, служит одним из средств его осуществления, но не более того. При осуществлении защиты с помощью адвоката выполняется лишь часть программы, заложенной в ст. 16 УПК РФ. В этом контексте очевидными являются недостатки УПК РФ, ограничивающие реализацию семей функции защиты по уголовному делу.

Авторская интерпретация положений УПК РФ привела к выводу о том, что закон в отдельных случаях содержит способы включения в досудебное производство по уголовным делам в качестве защитников близких родственников и иных лиц. Поддерживается позиция ряда ученых, склонных считать, что их допуск возможен наряду с адвокатом при решении вопроса об избрании меры пресечения, продлении срока содержания под стражей, рассмотрении жалоб, а также в иных случаях, когда в досудебном производстве проводится судебное заседание (А. П. Гуляев, Е. Г. Ларин и др.). Обоснован вывод о том, что деятельность защитника, не являющегося адвокатом, в стадии предварительного расследования не исключается при возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, если указанное лицо ранее было допущено судом к участию в деле.

В исследовании отмечается непоследовательность позиции Конституционного Суда РФ, который, ограничивая возможность участия членов семьи обвиняемого в качестве защитников по уголовным делам, применительно к потерпевшим проявил большую лояльность. Рядом решений (Определение Конституционного Суда РФ от 05 декабря 2003 г. № 446-О; Определение Конституционного Суда РФ от 05 декабря 2003 г. № 447-О; Определение Конституционного Суда РФ от 05 февраля 2004 г. № 25-О) он расширил возможности защиты интересов потерпевшего близкими родственниками и иными лицами. В условиях охранительного уголовного процесса логично было бы сделать подобный шаг и в сторону обвиняемого. Этим функция защиты семьи получила бы должную реализацию в УПК РФ, способствуя снижению социальных противоречий при осуществлении правосудия.

Во *втором параграфе* «Доступ членов семьи к участию в деле в случае смерти потерпевшего или других субъектов уголовного процесса» дается

оценка состоянию правового регулирования действий органов предварительного расследования и суда в связи с наступлением смерти участников уголовного процесса. Смерть лица создает этико-правовые основания для реализации семьей определенных социальных функций в уголовном процессе. Делается акцент на том, что соответствующий механизм в УПК РФ разработан лишь для случаев наступления смерти потерпевшего в результате совершенного в отношении него преступления (ч. 8 ст. 42 УПК РФ). Обычай кровной мести, имевший место в законодательстве Древней Руси, здесь трансформировался по истечении многих веков в цивилизованную форму активного участия членов рода в определении судьбы преступника. Смерть других лиц в уголовном процессе приводит к необходимости применения аналогии указанной нормы.

Проблемность реализации ч. 8 ст. 42 УПК РФ автор связывает с неопределенностью правового статуса близких родственников погибшего от преступления. В юридической литературе сформировались три основных подхода к решению этой проблемы. Первый (наиболее распространенный) определяет необходимость признания близких родственников потерпевшими по делу (В. Я. Дорохов, Р. Д. Рахунов, С. И. Катькало, С. А. Александров, Т. В. Тетерина, М. В. Парфенова, Е. И. Конах, И. В. Мисник и др.); второй содержит аргументы в пользу того, что они должны считаться представителями потерпевшего (В. М. Савицкий, И. И. Потеружа, В. В. Воронин и др.); третий — правопреемниками потерпевшего (Б. С. Антимонов, А. М. Ларин, В. А. Азаров, М. Х. Абдрахманов, М. Р. Сафаралеев, Л. А. Василенко и др.). Верховный Суд РФ дважды (в рамках УПК РСФСР 1960 г. и УПК РФ) становился на сторону первой группы ученых, что сыграло свою стабилизирующую роль в правоприменительной практике.

Исследование приведенных в научной литературе подходов привело к необходимости признать, что большая их часть сложилась под влиянием до-реформенного законодательства. Автор высказывает сомнения в целесообразности «примерки» различных процессуальных статусов, изначально предназначенных для других целей, к фактическому положению близких родственников лица, погибшего от преступления, поскольку это приводит к правовым противоречиям. Опираясь на правовые позиции Конституционного Суда РФ, диссертант аргументирует вывод о том, что обладание правами потерпевшего, возникающее в связи с наступлением смерти близкого родственника, придает официальному признанию сложившегося положения производный характер. Для введения указанных лиц в уголовный процесс достаточно вынести постановление о допуске близких родственников лица, погибшего от преступления, к участию в деле.

Данный подход предлагается применять при наступлении смерти других участников уголовного процесса. Подтвержденная Конституционным Судом РФ

(постановление от 14 июля 2011 г. № 16-П) обязанность учета мнения близких родственников умершего обвиняемого (подозреваемого) при прекращении уголовного дела, когда они настаивают на его реабилитации, связана с необходимостью юридического оформления перехода к ним прав указанных лиц. Используя аналогию ч. 8 ст. 42 УПК РФ, Конституционный Суд РФ справедливо уходит от неприемлемой в этой ситуации практики принятия решений о признании за ними определенного статуса (в данном случае — обвиняемого).

Соискатель критично относится к позиции законодателя, который в ч. 8 ст. 42 УПК РФ формально ограничивает переход прав потерпевшего к близким родственникам фактами смерти, вызванными совершением преступления. Эта особенность ставит вопрос о правомерности применения данной нормы при наступлении смерти потерпевшего (равно как и других участников уголовного процесса) в силу иных причин. Системный анализ УПК РФ, с учетом требований ч. 2 ст. 318 УПК РФ, правовых позиций Конституционного Суда РФ, привел к выводу о необходимости расширительного толкования ч. 8 ст. 42 УПК РФ. Конституционное право на охрану достоинства личности должно распространяться не только на период жизни человека. Компетентные органы должны исходить из обязанности обеспечения близким родственникам умершего доступа к правосудию и судебной защиты в полном объеме (Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П).

Исследование научной литературы (С. А. Александров, С. Р. Зеленин и др.), судебной практики привело к признанию необходимости расширить круг лиц, имеющих право участвовать в деле в случае смерти лица, за счет использования в тексте ч. 8 ст. 42 УПК РФ понятия «члены семьи». Это позволит исключить случаи, когда близкий погибшему человек, хотя и не являющийся близким родственником, не допускается к участию в деле по формальным причинам.

В *третьем параграфе* «Отвод членов семьи в уголовном процессе» исследуются обстоятельства, влекущие прекращение полномочий отдельных участников уголовного процесса по причинам, характеризующим их социальный статус. В работе обосновывается, что социально-этические связи, обусловленные обстоятельствами семейной жизни человека, способны оказать определяющее влияние на принимаемые по уголовному делу решения. Родственные отношения имеют самостоятельное значение при определении оснований отвода (п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ). Автор критически оценивает позицию законодателя, который не закрепляет предельную степень родства, влекущую отстранение должностных лиц от участия в деле.

Делается вывод о том, что в п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ достаточно учитывать отношения близкого родства. Распространение правил отвода на всех родственников судьи, прокурора, следователя или дознавателя излишне формализует суть межличностных отношений между близкими людьми. Отвод должен обуславливаться

наличием определенного уровня нравственной зависимости между ними. Лица, не входящие в круг близких родственников, обычно не имеют устойчивых социальных связей между собой. Однако их существование может охватываться содержанием ч. 2 ст. 61 УПК РФ. В этом случае основанием для отвода будет служить заинтересованность судьи или другого должностного лица в исходе уголовного дела, а не формально установленный характер межличностных отношений.

В работе критически оценивается отсутствие законодательного учета отношений свойства в системе оснований отвода. Сложившиеся в результате брачного союза связи нельзя рассматривать как второстепенные, поскольку они могут влиять на исход уголовного дела. Формирующаяся в этой части практика противоречива и допускает усмотрение должностных лиц. Представляется целесообразным внесение в ст. 61 УПК РФ изменений, направленных на включение отношений свойства в число обстоятельств, влекущих отстранение заинтересованных должностных лиц от участия в деле.

Соискатель обращает внимание на конкуренцию оснований отвода, сформулированных в п. 3 ч. 1 ст. 61 и п. 2 ч. 1 ст. 72 УПК РФ. Ставится проблема определения лиц, подлежащих отводу при одновременном участии в деле двух и более родственников или других членов семьи, отстаивающих разные интересы. Автор поддерживает позицию ученых, считающих, что отстранению подлежит тот, кто позже вступил в процесс, поскольку более позднее вступление было незаконным (И. М. Гуткин, С. С. Ампов).

Семейно-родственные отношения создают препятствия для участия в деле понятых. Буквальное толкование смысла п. 2 ч. 2 ст. 60 УПК РФ ограничивает возможность одновременного участия в следственном действии понятых, связанных между собой узами брака или родства. Делается вывод о том, что следователь (дознатель) при привлечении понятых в первую очередь должен исходить из содержания общей нормы, сформулированной в ч. 1 ст. 60 УПК РФ. Родство понятых между собой еще не говорит об их заинтересованности в исходе расследования и судебного разбирательства уголовного дела, и такая связь не должна однозначно рассматриваться в качестве обстоятельства, препятствующего их участию в деле.

Третья глава «Охрана интересов семьи и несовершеннолетних при применении мер уголовно-процессуального принуждения» состоит из трех параграфов и посвящена исследованию оснований и порядка применения мер пресечения и собственно мер принуждения в их взаимосвязи с функциональной характеристикой института семьи. В *первом параграфе* «Охрана интересов семьи и несовершеннолетних при задержании и применении мер пресечения» проводится анализ принудительных мер воздействия на личность, их соотношения с интересами семьи.

В работе обосновывается, что уведомление членов семьи о задержании подозреваемого имеет важное социально-этическое значение в мировой прак-

тике уголовного судопроизводства. Специфика изложенного в ст. 96 УПК РФ порядка уведомления о применении указанной меры принуждения видится в том, что закон не содержит нормативных предпосылок для сохранения факта задержания в тайне от близких родственников в случае, если задержанный на этом настаивает. Реализация обязанности следователя (дознателя) по уведомлению родственников о принятых мерах не предполагает учет интересов подозреваемого. Отстаивается необходимость совершенствования законодательства в этой части.

Исследование позволяет сделать вывод о том, что порядок уведомления о задержании лица должен связываться с понятием «член семьи» вместо понятий «близкие родственники» и «родственники» (ст. 96 УПК РФ). Социальное наполнение понятия «член семьи» позволяет уйти от формального уведомления. Установление круга членов семьи задержанного требует учета мнения самого подозреваемого. Сформулированные предложения автор распространяет на порядок заключения лица под стражу, изменения места его содержания (ч. 12 ст. 108 УПК РФ), в том числе при переводе в психиатрический стационар (ч. 1 ст. 435 УПК РФ). Автор обосновывается необходимостью применения сходной процедуры и в других случаях (ч. 2 ст. 435 УПК РФ).

Анализируя порядок реализации домашнего ареста, автор приходит к выводу о том, что надзор за соблюдением установленных ограничений при применении данной меры пресечения к несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) следует возлагать на членов его семьи. В качестве гарантии выполнения взятых на себя обязательств может служить ответственность родителей или иных лиц, осуществляющих надзор, в виде денежного взыскания. В связи с этим сформулированы предложения по изменению ст. 107 УПК РФ.

Воспитательные функции семьи способствуют достижению целей избрания отдельных мер пресечения. В этом контексте исследуется присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым (ст. 105 УПК РФ). Его применение обуславливается необходимостью сохранения тесных социальных связей между семьей и ребенком. Этот подход основан на нормах международного права (п. 18.2 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних). Обращается внимание на то, что законодатель не предусматривает возможности отказаться от принятой на себя обязанности по присмотру за несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым). Решение данного вопроса полностью зависит от усмотрения правоприменителя. Предлагается закрепить в ст. 105 УПК РФ право родителей, опекунов, попечителей ходатайствовать об освобождении их от обязанности по осуществлению присмотра ввиду болезни, значительного ухудшения взаимоотношений в семье, других причин, исключающих возможность обеспечить надлежащее поведение несовершеннолетнего.

Автор приходит к выводу о том, что интересы семьи, с учетом содержания ст. 99 УПК РФ, оказывают корректирующее влияние на выбор конкретной меры пресечения. Эффективность их применения нередко находится в прямой зависимости от состояния межличностных отношений в первичной ячейке человеческого общества. Это подтвердили 77% опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов.

Во *втором параграфе* «Меры попечения о членах семьи, оставшихся без присмотра и помощи в связи с задержанием или заключением обвиняемого (подозреваемого) под стражу» определяются механизмы, направленные на минимизацию негативных социальных последствий применения к лицу отдельных мер процессуального принуждения. Если в результате государственного вмешательства в семейную жизнь остаются без присмотра несовершеннолетние дети, другие лица, нуждающиеся в постороннем уходе, а также личное имущество обвиняемого (подозреваемого), возникает необходимость принятия определенных обеспечительных мер. Ставится проблема реализации законодательных установлений, сформулированных в ст.ст. 160, 313 УПК РФ. Автор распространяет ее на случаи не только применения к лицу задержания или заключения под стражу, но и помещения лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы, а также избрания домашнего ареста не по месту постоянного жительства обвиняемого (подозреваемого).

Делается вывод о том, что законодатель не связывает принятие мер, предусмотренных ст. 160 УПК РФ, с возбуждением обвиняемым (подозреваемым) соответствующего ходатайства. Государство тем самым берет на себя решение проблем, возникших в результате задержания или заключения лица под стражу. Часть из них связана с защитой интересов лиц, перед которыми у обвиняемого (подозреваемого) имеются определенные социальные обязательства. Это дети, престарелые родители, нуждающиеся в постороннем уходе, и иные лица, находящиеся на иждивении.

Анализ используемого в ст. 160 УПК РФ понятия «меры попечения» привел к выводу о том, что законодатель изначально не стремился к проецированию в УПК РФ правил, характерных для институтов опеки и попечительства, поэтому используемый в ст. 160 УПК РФ термин «попечение» нельзя тесно увязывать с гражданско-правовым институтом попечительства. Соискатель заключает, что нормативные установления, сформулированные в ст. 160 УПК РФ, должны восприниматься как средства оперативного реагирования государства на возможность наступления негативных «побочных» социальных последствий для членов семьи или самого обвиняемого (подозреваемого) в связи с его задержанием или заключением под стражу.

Анализ ч. 1 ст. 160 УПК РФ приводит к выводу о необходимости передачи несовершеннолетнего, при отсутствии родителей, прежде всего его

родственникам. При этом приоритет должен отдаваться близким родственникам, что подтверждается результатами проведенного опроса практических работников (96%). В работе поддерживается позиция группы ученых, предлагающих выносить об этом постановление (А. А. Чувилов, А. И. Сергеев, Л. И. Даньшина, В. В. Смирнов, И. Л. Петрухин и др.) и составлять протокол (И. Л. Петрухин).

Автор приходит к выводу о том, что протокол, в котором следователь фиксировал бы факт передачи ребенка на попечение, должен содержать определенную систему правовых и социальных обязательств лица, принимающего на себя присмотр. Несоввершеннолетний передается в другую семью вне правового режима, предусмотренного семейным законодательством, поэтому его права и интересы должны быть учтены специально. Осознание необходимости выполнения перечисленных в протоколе требований может стать непременным условием передачи детей в порядке ст. 160 УПК РФ. Лишь в этом случае, по крайней мере юридически, мы можем говорить о том, что ребенку обеспечены надлежащий присмотр и помощь. Делается вывод о том, что о принятых мерах следует уведомлять органы опеки и попечительства, предложены соответствующие изменения в УПК РФ.

Обращается внимание на то, что используемое в ст. 160 УПК РФ понятие «престарелые родители» имеет оценочный характер. Законодатель не определяет, когда наступает соответствующий возраст. Нормативные акты, регламентирующие порядок социального обслуживания населения, применяют иное понятие — «граждане пожилого возраста». К этой категории относятся женщины старше 55, мужчины старше 60 лет. Из их числа социальная помощь оказывается тем, кто не может самостоятельно удовлетворять свои основные жизненные потребности. В целях оптимизации правоприменения в этой сфере предлагается в ст. 160 УПК РФ внести необходимые изменения, учитывающие отраслевые особенности законодательства в системе социального обеспечения граждан.

Понятие «иждивенцы» также требует уточнения, поскольку УПК РФ его не определяет. Соответствующую дефиницию можно увидеть в отраслевом законе, регулирующем трудовые отношения. К числу иждивенцев он относит нетрудоспособных членов семьи, находящихся на полном содержании лица или получающих от него помощь, которая является для них постоянным и основным источником средств к существованию (ст. 179 Трудового кодекса РФ). Данный подход законодателя к определению понятия «иждивенцы» может быть применен и для уяснения содержания отношений, вытекающих из ст. 160 УПК РФ.

В диссертации делается акцент на том, что уголовно-процессуальное законодательство не содержит конкретных механизмов организации присмотра за престарелыми родителями и другими иждивенцами, когда их нельзя

передать на попечение родственникам или иным лицам. Нормативно-правовые акты других отраслей права также не предусматривают оперативных мер реагирования при разрешении рассматриваемой проблемы. Делается вывод о том, что в сложившейся ситуации следователю (дознавателю) или суду целесообразно выносить решение о необходимости оказания социальных услуг лицам, оставшимся без должного попечения в связи с задержанием или заключением под стражу членов их семьи. Оно может быть адресовано органам социальной защиты населения, органам опеки и попечительства или медицинским учреждениям (в зависимости от сложившихся обстоятельств). Соискателем сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в этой части.

Исследование показало, что принятие мер по сохранности имущества и жилища лица, подвергнутого задержанию или заключению под стражу, не учитывает современного состояния имущественных отношений в обществе и нуждается в осмыслении с учетом требований гражданского законодательства. В сложившихся условиях приоритет нужно отдавать праву обвиняемого (подозреваемого) самостоятельно определить судьбу своего имущества. Для этого следователю (дознавателю) предлагается создать условия для того, чтобы обвиняемый (подозреваемый) мог лично осуществить предусмотренные законодательством Российской Федерации действия, направленные на защиту его имущественных прав.

Делается вывод о том, что характер отношений, представленных в ст. 160 УПК РФ, имеет межотраслевую природу. Обосновывается необходимость межведомственного регулирования порядка организации присмотра за несовершеннолетними детьми и другими членами семьи, оставшимися без присмотра и помощи в связи с задержанием или заключением лица под стражу.

В *третьем параграфе* «Охрана интересов семьи и несовершеннолетних при применении иных мер процессуального принуждения» рассматривается специфика наложения ареста на имущество, применения других мер принуждения в контексте реализации семьей социальных функций. Исследование позволяет констатировать, что имущество членов семьи обвиняемого (подозреваемого) нередко подвергается аресту. Ставится проблема определения истинных владельцев подвергаемого аресту имущества, находящегося в совместном ведении членов семьи. Опираясь на позиции ученых (С. А. Александров, В. Г. Власенко, А. Н. Иванов, Е. С. Лапин, Н. А. Власова и др.), требования законодательства, автор делает вывод о том, что арест должен налагаться на долю имущества обвиняемого (подозреваемого), находящегося в совместной собственности супругов или членов семьи. При наличии достаточных доказательств, что совместная собственность приобретена или увеличена на средства, нажитые преступным путем, арест предлагается налагать на все имущество супругов или членов семьи либо большую его долю.

Совместный режим использования имущества в семье нивелирует его индивидуальную принадлежность. Есть опасность включения в опись вещей, не принадлежащих обвиняемому (подозреваемому) или лицу, несущему за его действия материальную ответственность. При наличии вреда, причиненного такими действиями органами предварительного расследования, не исключено наступление последствий, предусмотренных ч. 3 ст. 133 УПК РФ. Невозможность в момент описи имущества установить истинных его владельцев заставляет следователя (дознателя) более внимательно относиться к обеспечению его сохранности, этим снижается вероятность причинения вреда членам семьи обвиняемого (подозреваемого).

Исследование порядка наложения ареста на имущество позволило сформулировать авторскую позицию относительно участия владельца или членов его семьи при осуществлении действий, связанных с составлением протокола. Делается вывод о том, что порядок вовлечения обвиняемого (подозреваемого) либо совершеннолетних членов его семьи в процесс ареста имущества должен носить уведомительный характер. Реализация судебного решения о применении данной меры процессуального принуждения, по мнению соискателя, не нуждается в дополнительном уяснении воли других лиц. Сформулированные в научной литературе предложения, предусматривающие закрепление в УПК РФ требований об их обязательном участии в этом действии (А. Н. Иванов, Е. С. Лапин и др.), создают предпосылки для злоупотребления правом, предоставляя возможность сокрытия имущества от ареста.

Автор критически относится к позиции ученых (Ф. Н. Багаутдинов, Н. И. Газетдинов и др.), предлагающих на законодательном уровне сформулировать запрет на передачу описанного имущества для хранения самому обвиняемому, его родным и близким. Возможность его оставления для хранения членам семьи обвиняемого (подозреваемого) в какой-то мере нивелирует отрицательные последствия применения соответствующей меры процессуального принуждения. Исследование показало, что в 63% изученных уголовных дел, где имел место арест имущества, наиболее громоздкие вещи передавались на хранение либо самому владельцу этого имущества, либо совершеннолетним членам его семьи.

Оценка оснований применения меры принуждения в виде привода вызвала необходимость признать, что законодатель уходит от формулировки исчерпывающего перечня обстоятельств, которые могли бы служить допустимыми причинами неявки по вызовам. Его определение должно учитывать причины, включающие неблагоприятные события семейной жизни субъекта или членов его семьи, что подтвердили 62% опрошенных нами практических работников.

Опираясь на позиции ученых (Б. Б. Булатов, В. В. Николок и др.), автор приходит к выводу о том, что в законе необходимо предусмотреть право органа

дознания, следователя возбудить перед судом ходатайство о получении разрешения на проникновение в жилище для обеспечения принудительного доставления к ним уклоняющегося от явки по вызову подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего. Решение данного вопроса необходимо осуществлять по правилам ст. 165 УПК РФ.

Характеризуя семью как сдерживающий фактор при применении мер принуждения, диссертант формулирует законодательные предложения по оптимизации нормативного регулирования соответствующих положений уголовно-процессуального права.

Четвертая глава «Охрана интересов семьи и несовершеннолетних при производстве следственных действий по уголовным делам» состоит из двух параграфов, в которых рассматриваются основные направления охраны первичных социальных связей человека при собирании доказательств по уголовным делам. *Первый параграф* «Свидетельский иммунитет от обвинения супруга(и) и близких родственников» посвящен проблемам реализации в уголовном процессе требований ст. 51 Конституции РФ. Автор обращает внимание на то, что в процессе доказывания требуется установление данных, касающихся личной семейной жизни обвиняемого (подозреваемого). Изобличительные показания близких родственников и иных членов семьи могут сыграть важную роль в процессе доказывания, однако они несут в себе и разрушительный потенциал: под угрозой целостность социальных связей в первичной ячейке человеческого общества. В этом контексте норма свидетельского иммунитета способствует сохранению семейных связей. Она содействует реализации социальной функции защиты семьи.

В целом критически воспринимая идею расширения круга лиц, имеющих право не давать показания против себя самого, своего супруга и близких родственников (Ф. А. Агаев, В. Н. Галузо, М. М. Шейфер, И. В. Вельш и др.), автор приходит к выводу, что иммунитет может быть распространен на членов семьи. Формулируется предложение о наделении этим правом дополнительно законных представителей и фактических воспитателей несовершеннолетних участников уголовного процесса. Этот шаг считают оправданным 65% опрошенных практических работников. Соискатель поддерживает позицию ученых, которые считают, что круг субъектов иммунитета должен быть определен таким образом, чтобы право, предоставляемое допрашиваемым, не превратилось в формальный отказ от дачи показаний и в то же время не наносило ущерба лицам, связанным семейными отношениями (Н. А. Громов, И. С. Дикарев, В. Н. Конев, В. В. Николайченко и др.).

В работе указывается на то, что законодатель уклоняется от регламентации порядка реализации права не давать показания, ряд вопросов отдается на усмотрение следователя (дознателя, суда). Ставится вопрос о том, кто должен решать, не наносят ли определенные сведения вреда допрашиваемому

лицу, — сам следователь или лицо, дающее показания. Анализ привел к выводу, что это должно делать лицо, осуществляющее производство по уголовному делу (следователь, дознаватель, судья), что связано с публичным характером уголовно-процессуальной деятельности. Опираясь на позиции ученых (И. В. Смолькова), автор отстаивает подход, согласно которому свидетельский иммунитет распространяется лишь на те вопросы, которые касаются уголовной ответственности супруга или близких родственников.

Подвергается анализу проблема разъяснения нормы иммунитета малолетним участникам уголовного процесса. Автор критично относится к имеющимся в юридической литературе рекомендациям (С. М. Прокофьева), направленным на запрет допрашивать в качестве свидетелей детей до 14 лет, если обвиняемым является их близкий родственник. Делается вывод о том, что принятие соответствующего решения должно оставлять возможность следователю (дознawателю) действовать по внутреннему убеждению, исходя из оценки развития малолетнего лица, вызванного для дачи показаний.

Второй параграф «Обеспечение неприкосновенности семейной жизни в уголовном процессе» посвящен рассмотрению вопросов вмешательства в семейную жизнь человека. Комплексный подход в решении данной проблемы связан с определением мер защиты сведений, составляющих семейную тайну. Опираясь на проведенные исследования (И. В. Смолькова, Е. А. Филимонова и др.), диссертант делает вывод о том, что к семейной тайне может быть отнесен неограниченный круг сведений, огласка которых способна причинить членам семьи нравственные страдания.

С учетом сформулированных в юридической литературе подходов (И. Л. Петрухин, И. В. Смолькова, М. С. Дунаева, В. А. Мазуров, Е. А. Филимонова и др.) делается вывод о том, что понятия «семейная тайна», «семейная жизнь» соотносятся с понятием «частная жизнь» как часть и целое. Это дает основание полагать, что требование, сформулированное в ч. 3 ст. 161 УПК РФ, хотя буквально и не воспроизводит ч. 1 ст. 23 Конституции РФ, но, по сути, предполагает защиту соответствующих отношений в том же объеме. Проблема состоит в том, что указанные законодательные положения имеют общий характер и не детализируются в более частных нормах, регламентирующих процедуру производства следственных действий, в рамках которых возможно ограничение указанного права.

Автор аргументирует необходимость распространения требований ч. 3 ст. 161 УПК РФ на правила, регламентирующие деятельность по ознакомлению с материалами дела в связи с окончанием расследования. При производстве по уголовному делу в суде необходимо разъяснять участникам уголовного процесса ответственность за разглашение данных, относящихся к категории «семейная тайна» и «частная жизнь».

Делается вывод о том, что семейная тайна специально не выделяется законодателем как объект уголовно-процессуальной охраны. Меры, направленные

ные на защиту этих нравственных ценностей, вытекают из совокупности общих охранительных норм, что позволяет говорить об отсутствии адаптированного механизма реализации положений ст. 23 Конституции РФ. В этой части соискатель формулирует предложения по совершенствованию ряда норм УПК РФ.

Вторжение в семейную жизнь происходит и при производстве обыска в жилище. Констатируется, что разработчики УПК РФ пошли дальше конституционных ограничений (ст. 25). Они связали с судебным решением (по общему правилу) не только возможность проникновения в жилище, но и производство обыска и выемки в нем. Дополнительно законодатель закрепил право лиц, проживающих в жилище, либо совершеннолетних членов их семьи на участие в данном следственном действии. Исходя из буквального толкования ч. 11 ст. 182 и ст. 183 УПК РФ, это право подлежит реализации независимо от того, кем было принято решение об обыске или выемке — судьей либо следователем в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Ставится проблема производства обыска в отсутствие указанных лиц. Делается вывод о том, что требования, содержащиеся в ч. 11 ст. 182 УПК РФ, в условиях принятия решения о производстве обыска в жилище судьей излишни. Исследование позволило сформулировать законодательные предложения, направленные на устранение недостатков законодательной техники порядка проведения эксгумации (ч. 3 ст. 178 УПК РФ).

Пятая глава «Реализация социальных функций семьи в сфере охраны интересов несовершеннолетних» содержит два параграфа, в которых определяется место семьи в механизме реализации интересов несовершеннолетних при производстве по уголовным делам. В *первом параграфе* «Проблемы развития ювенальной юстиции в системе средств охраны интересов несовершеннолетних» проводится исследование перспективного направления развития системы ювенальных судов в Российской Федерации, определяется место семьи в механизме их функционирования. Соискатель поддерживает позицию авторов, указывающих, что ювенальная юстиция, в современном ее понимании, исходит из возможности дробления семьи, традиционно воспринимаемой в нашей стране как единый и неделимый организм (Е. Макарова). В целях реализации индивидуальных прав ребенка интересы других членов семьи часто не замечаются. Искусственные ограничения выполнения семьей традиционных социальных функций (воспитания, первичного социального контроля, защиты и др.) обостряют общественные противоречия. Решение данных проблем на нормативном уровне поможет снять напряженность, которая возникла в ходе обсуждения перспективы формирования ювенальных судов.

Присущий правосудию воспитательный эффект при рассмотрении дел несовершеннолетних должен быть усилен путем преодоления формального отношения законодателя к интересам семьи. Без этого компонента личность ребенка оценить достаточно сложно, так как он является про-

дуктом той социальной среды, в которой родился и живет постоянно. Это одна из причин, которая заставляет говорить ученых (С. В. Тетюев, Р. С. Хисматулин и др.) о создании семейных судов (как вариант — судов по делам семьи и несовершеннолетних).

Опираясь на опыт дореволюционной России, современной Германии, автор делает вывод о том, что формальная защита прав несовершеннолетних, позволяя уйти от ответственности, отрицательно сказывается на их воспитании, более того, возможен рецидив преступной деятельности. Чтобы этого избежать, государству следует сократить возможности формальной защиты прав несовершеннолетних по уголовным делам в пользу реализации воспитательной функции правосудия.

Исследование выявило тенденцию трансформации общего законодательного подхода, направленного на защиту интересов несовершеннолетних от уголовного преследования. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» ведущая роль отводится воспитательной функции правосудия. В этой части судебная практика не вписывается в идеологические рамки, которые были заложены в УПК РФ. Заметно стремление органов судебной власти реформировать производство по данной категории уголовных дел. Соискателем делается вывод о том, что решение воспитательных, психолого-педагогических задач уголовного судопроизводства возможно лишь тогда, когда формальная защита прав уйдет на второй план.

В работе обосновывается, что, по смыслу ч. 2 ст. 241 УПК РФ, возможность проведения закрытого судебного разбирательства по делам в отношении несовершеннолетних поставлена в зависимость от усмотрения судьи. Гласность судебного разбирательства по данной категории дел — это инструмент, который может служить средством исправления подростка, а при неумелом обращении с ним, — нанести несовершеннолетнему психологический урон. Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» призывает исключить всевозможные спекуляции с использованием средств массовой информации относительно преступной деятельности несовершеннолетних. Речь идет о крайних проявлениях гласности, когда чрезмерная открытость сведений, касающихся обстоятельств совершенного несовершеннолетним преступления, не несет воспитательного воздействия и, более того, причиняет ему вред.

В ходе исследования выявлено несоответствие требований, сформулированных в п. 2 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, нормам международного права. Возможность проведения закрытого судебного разбирательства не должна ограничи-

ваться шестнадцатилетним возрастом подсудимого. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, говорят о праве несовершеннолетнего на конфиденциальность (п. 8.1), в связи с этим разработаны предложения по совершенствованию законодательства.

Автор приходит к выводу о том, что решение задачи оказания воспитательного воздействия на несовершеннолетнего в условиях состязательного уголовного процесса осложняется наличием конкуренции интересов сторон. В борьбе взрослых нередко теряется личность ребенка. Воспитательная функция правосудия не может быть реализована при соперничестве сторон, требуется совместная защита несовершеннолетнего от неблагоприятного воздействия преступной среды, развитие в нем лучших качеств через осознание тяжести содеянного. В снятии данного противоречия видится решение значительной части проблем, которые стоят перед ювенальной юстицией.

Акцент на специализации судей, сделанный в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (п. 4), нуждается в распространении на досудебное производство. Автор поддерживает позиции ученых, требующих введения специализации следователей по данной категории уголовных дел (В. В. Николок, И. М. Белякова, К. А. Авалиани и др.). Советский опыт расследования уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних показал эффективность предварительного следствия. Первый шаг в этом направлении уже сделан: Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, с 1 января 2012 г. отнесены к компетенции Следственного комитета РФ. Полученный опыт необходимо использовать в законотворческой деятельности.

Во *втором параграфе* «Осуществление законного представительства по уголовным делам» проводится анализ одной из основных форм участия в уголовном процессе членов семьи несовершеннолетних. Обособленность статуса законного представителя вызвана тем, что он выполняет такие функции, которые не присущи другим участникам уголовного процесса.

Соискатель обращает внимание на то, что вовлечение законных представителей в уголовное дело закон связывает с фигурой несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего (п. 12 ст. 5 УПК РФ). Анализ законодательства привел к необходимости признать, что данная норма не охватывает весь спектр правоотношений в рассматриваемой сфере. Участие законного представителя в деле допускается для защиты интересов более широкого круга лиц. Их перечень должен опираться не только на возрастные признаки, но и учитывать дееспособность лица. Участие в деле законного представителя со-

здает дополнительные возможности для реализации семьей социальных функций. В диссертации поддерживается вывод о существовании у несовершеннолетнего права на семейное окружение (Ю. Н. Стражевич).

Автор критически относится к содержанию нормы, сформулированной в ч. 1 ст. 437 УПК РФ, в которой законодатель фактически уравнивает понятия «законный представитель» и «близкие родственники». Появившаяся в связи с этим возможность следователя самостоятельно присваивать статус законного представителя не отвечает существу рассматриваемого понятия. Указанное должностное лицо не может своей властью решать, кто вправе выполнять эту функцию. Учитывая, что формирование статуса законного представителя лежит за рамками уголовного процесса, полномочия следователя ограничены лишь констатацией факта его допуска в дело. По этим же причинам диссертант отрицательно относится к идее расширения состава законных представителей в уголовном процессе (В. А. Панкратов, С. В. Тетюев, И. А. Макаренко, Ю. Р. Орлова, А. К. Белокопытов и др.). Межотраслевой характер их правового положения сдерживает самостоятельное развитие соответствующих норм в УПК РФ.

Отстранение законного представителя от участия в деле связано с нанесением ущерба интересам несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого, подсудимого). Определяя его содержание, автор прибегает к анализу постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (п. 11). Исследование показало, что представленный в документе перечень действий, влекущих отстранение законного представителя от участия в деле, во многом рассчитан на воспитательный эффект правосудия. При всех его очевидных достоинствах, данный подход не вписывается в охранительную сущность УПК РФ. Отдавая приоритет защите от уголовного преследования, воспитательные, психолого-педагогические задачи уголовного судопроизводства законодатель переместил на второй план. Выявленное противоречие будет создавать препятствия при реализации соответствующих разъяснений в практической деятельности.

Автор обращает внимание на проблему отстранения законных представителей других участников уголовного процесса (потерпевшего; лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера), указывая на потребность определения соответствующих оснований. Соискателем разработаны предложения по совершенствованию законодательства в этой части.

Участие законных представителей в деле (в частности, родителей несовершеннолетнего) УПК РФ не связывает с состоянием их здоровья. В работе ставится вопрос об эффективности участия в деле законного представителя, страдающего физическими недостатками. В силу определенных причин (немоты,

глухоты, других физических недостатков, не исключающих вменяемости) они не могут оказывать действенную помощь по защите прав несовершеннолетнего. Вовлечение в дело таких лиц выглядит слишком формальным исполнением воли законодателя. В этих случаях предлагается наряду с ними, при отсутствии другого законного представителя, приглашать представителя органа опеки и попечительства.

В **заключении** формулируются выводы по рассмотренным в диссертации вопросам. Кроме того, представлены предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, Федерального закона «О полиции», Семейного кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Изложены меры по оптимизации судебной практики производства по уголовным делам.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих работах:

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций

1. *Дежнев А. С.* Отношения родства, супружества и свойства в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2004. № 3. — 0,35 п. л.

2. *Дежнев А. С.* Отношения свойства в уголовно-процессуальном институте отводов // Уголовное право. 2005. № 2. — 0,32 п. л.

3. *Дежнев А. С.* Особенности учета родственных отношений при производстве следственных действий // Рос. следователь. 2005. № 11. — 0,38 п. л.

4. *Дежнев А. С.* Правовые и организационные проблемы формирования коллегии присяжных заседателей // Рос. юстиция. 2005. № 7. — 0,4 п. л.

5. *Дежнев А. С.* Возможен ли отвод в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. 2006. № 1. — 0,4 п. л.

6. *Дежнев А. С.* Социально-правовые препятствия производству следственных действий, связанных с проникновением в жилище // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3. — 0,37 п. л.

7. *Дежнев А. С., Павлов А. В.* Уведомление о задержании как социально-правовая гарантия защиты интересов личности // Уголовное право. 2008. № 4. — 0,3 п. л. (авторство не разделено).

8. *Дежнев А. С.* Семейная тайна как объект уголовно-процессуальной защиты // Рос. юридический журнал. 2009. № 2. — 0,4 п. л.

9. *Дежнев А. С.* Обеспечение сохранности имущества и жилища обвиняемого (подозреваемого), подвергнутого задержанию или заключению под стражу // Рос. следователь. 2010. № 11. — 0,3 п. л.

10. Дежнев А. С. Принятие мер попечения о несовершеннолетних детях, оставшихся без присмотра и помощи в связи с задержанием или заключением обвиняемого (подозреваемого) под стражу // Уголовное право. 2010. № 1. — 0,5 п. л.

11. Дежнев А. С. Охрана интересов семьи и несовершеннолетних при применении меры принуждения в виде наложения ареста на имущество // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 3. — 0,73 п. л.

12. Дежнев А. С. Институт семьи в системе уголовно-процессуальных отношений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4. — 0,45 п. л.

13. Дежнев А. С. Охрана интересов семьи и несовершеннолетних при применении мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста (по материалам судебной практики) // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 2. — 0,45 п. л.

14. Дежнев А. С. Определение ущерба интересам несовершеннолетнего при отстранении законного представителя от участия в производстве по уголовному делу // Уголовное право. 2011. № 2. — 0,5 п. л.

15. Дежнев А. С., Булатов Б. Б. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями, связанными с наложением ареста на имущество членов семьи обвиняемого (подозреваемого) // Рос. следователь. 2011. № 17. — 0,5 п. л. (авторство не разделено).

16. Дежнев А. С. Реализация социальных функций семьи при передаче несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого под присмотр // Уголовное право. 2011. № 6. — 0,5 п. л.

17. Дежнев А. С. Привлечение в качестве защитников по уголовным делам близких родственников и иных лиц // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 3. — 0,7 п. л.

18. Дежнев А. С. Определение правового статуса близких родственников лица, которому преступлением причинена смерть // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3. — 0,5 п. л.

Монографии, учебники, учебные пособия:

19. Дежнев А. С. Защита интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2009. — 11,3 п. л.

20. Дежнев А. С. Реализация социальных функций семьи в уголовном процессе России: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2012. — 17,7 п. л.

21. Уголовный процесс: учебник для вузов (гл. 14 — в соавторстве с Б. Б. Булатовым, авторство не разделено; гл. 15 — А. С. Дежнев) / под ред. Б. Б. Булатова, А. М. Баранова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2012. — 32,71 / 2,3 п. л.

22. *Дежнев А. С., Кальницкий В. В.* Отношения родства, супружества и свойства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2003. — 4,9 п. л. (авторство не разделено).

23. *Дежнев А. С., Писарев А. В., Пилюшин И. П.* Реализация конституционных прав граждан при даче показаний по уголовным делам: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2007. — 3,7 п. л. (авторство не разделено).

Статьи и тезисы:

24. *Дежнев А. С.* Отношения родства и свойства в уголовном процессе // Перспективы совершенствования деятельности органов внутренних дел и государственной противопожарной службы: тез. докл. межвуз. науч.-практ. конф. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 1999. Ч. 1. — 0,25 п. л.

25. *Дежнев А. С.* Отношения родства и свойства в уголовном судопроизводстве как проявление его гуманизма // Подходы к решению проблем законодательства и правоприменения: межвуз. сб. науч. тр. Омск: Омский юридический институт МВД России, 1999. Вып. 4. — 0,3 п. л.

26. *Дежнев А. С., Кальницкий В. В.* Практика применения в уголовном процессе ст. 51 Конституции РФ // Законодательство и практика. 1999. № 2. — 0,5 п. л. (авторство не разделено).

27. *Дежнев А. С.* Родственные отношения и оценка причин неявки к следователю // Подходы к решению проблем законодательства и правоприменения: межвуз. сб. науч. тр. Омск: Омская академия МВД России, 2000. Вып. 6. — 0,25 п. л.

28. *Дежнев А. С.* Отношения родства и свойства в уголовно-процессуальном институте отводов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. тез. докл. науч.-практ. конф. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2000. Ч. 2. — 0,15 п. л.

29. *Дежнев А. С.* Отношения родства и свойства в уголовно-процессуальном институте задержания // Судебно-правовая реформа в России и современные проблемы выявления и расследования преступлений: мат-лы науч.-практ. конф. Омск: Омская академия МВД России, 2000. — 0,15 п. л.

30. *Дежнев А. С.* Терминология, отражающая отношения родства и свойства в уголовном процессе // Перспективы совершенствования деятельности органов внутренних дел и государственной противопожарной службы: тез. докл. всероссийской науч.-практ. конф. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2000. — 0,15 п. л.

31. *Дежнев А. С.* Косвенное свидетельствование против себя, супруга и близких родственников // Досудебное производство: актуальные вопросы теории и практики: мат-лы науч.-практ. конф. Омск: Омская академия МВД России, 2002. — 0,25 п. л.

32. *Дежнев А. С.* Актуальные проблемы применения ст. 51 Конституции РФ в российском уголовном судопроизводстве // Проблемы уголовно-процессуального права: мат-лы междунаро. дистанционной науч.-практ. конф. Караганда: Карагандинский юридический институт МВД Республики Казахстан, 2004. Вып. 3. — 0,3 п. л.

33. *Дежнев А. С.* Социально-правовые проблемы производства отдельных следственных действий // Международные юридические чтения: мат-лы междунаро. науч.-практ. конф. Омск: Омский юридический институт, 2004. Ч. 3. — 0,25 п. л.

34. *Дежнев А. С.* Разъяснение ст. 51 Конституции РФ при производстве по уголовным делам // Законодательство и практика. 2004. № 2. — 0,6 п. л.

35. *Дежнев А. С.* Актуальные проблемы отдачи несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) под присмотр // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики: мат-лы науч.-практ. конф. Омск: Омский юридический институт, 2004. — 0,31 п. л.

36. *Дежнев А. С.* Старые проблемы охраны интересов потерпевшего в новом УПК // Права и свободы человека и гражданина в современном мире: мат-лы науч.-практ. конф. Омск: Омская академия МВД России, 2005. — 0,34 п. л.

37. *Дежнев А. С.* Проблемы определения содержания права не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников // Правовая защита частных и публичных интересов: мат-лы междунаро. науч.-практ. конф. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2006. Ч. 1. — 0,3 п. л.

38. *Дежнев А. С.* Совершенствование оснований отвода и механизма его реализации в уголовном процессе (на примере отвода судей) // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса РФ: мат-лы междунаро. науч.-практ. конф. Омск: Омская академия МВД России, 2006. — 0,2 п. л.

39. *Дежнев А. С.* Социально-правовые препятствия участию граждан в осуществлении правосудия по уголовным делам // Проблемы уголовно-процессуального права: мат-лы Междунаро. науч.-практ. конф. Караганда: Карагандинский юридический институт МВД Республики Казахстан, 2006. Вып. 5. — 0,35 п. л.

40. *Дежнев А. С.* Законные представители лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 1 — 0,31 п. л.

41. *Дежнев А. С.* Семейные отношения как обстоятельство, учитываемое при избрании мер пресечения // Проблемы защиты прав человека в российском судопроизводстве: мат-лы науч.-практ. конф. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2009. Ч. 1. — 0,4 п. л.

42. *Дежнев А. С.* Особенности охраны интересов семьи и несовершеннолетних при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. тр. Самара: Самарский государственный университет, 2010. Вып. 5. — 0,3 п. л.

43. *Дежнев А. С.* Особенности реализации требований ст. 160 УПК РФ при задержании или заключении обвиняемого (подозреваемого) под стражу // Законодательство и практика. 2010. № 1. — 0,8 п. л.

44. *Дежнев А. С.* Принятие мер попечения над совершеннолетними лицами, нуждающимися в постороннем уходе и помощи в связи с задержанием или заключением обвиняемого (подозреваемого) под стражу // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. мат-лов XIII Международной науч.-практ. конф. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2010. Ч. 2. — 0,3 п. л.

45. *Дежнев А. С.* Отвод лиц, осуществляющих защиту или представительство интересов участников уголовного процесса // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы Восьмой международ. науч.-практ. конф. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2010. Ч. 1. — 0,2 п. л.

46. *Дежнев А. С.* Охрана интересов семьи и несовершеннолетних при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Преемственность и новации в юридической науке: мат-лы науч. конф. Омск: Омская академия МВД России, 2010. Вып. 6. — 0,35 п. л.

47. *Дежнев А. С.* Обеспечение надлежащего поведения несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) при производстве по уголовным делам // Противодействие преступности несовершеннолетних: мат-лы Международ. науч.-практ. конф. Кировоград: Кировоградский юридический институт Харьковского национального университета внутренних дел, 2010. — 0,15 п. л.

48. *Дежнев А. С.* Охрана интересов несовершеннолетних в процессе доказывания по уголовным делам // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: мат-лы Международ. науч.-практ. конф. Омск: Омский юридический институт, 2010. — 0,25 п. л.

49. *Дежнев А. С.* Наложение ареста на имущество членов семьи обвиняемого (подозреваемого) при производстве по уголовным делам // Законодательство и практика. 2010. № 2. — 0,4 п. л.

50. *Дежнев А. С.* Семейные отношения как элемент социальной структуры личности в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: мат-лы Международ. науч.-практ. конф. Омск: Омский юридический институт, 2011. — 0,3 п. л.

51. *Дежнев А. С.* Совершенствование порядка наложения ареста на имущество при производстве по уголовным делам // Актуальные проблемы права России и стран СНГ — 2011: мат-лы XIII международ. науч.-практ. конф. с элементами научной школы: уголовное право, уголовный процесс и криминалистика. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2011. Ч. 2. — 0,2 п. л.

52. *Дежнев А. С.* Практика реализации прав потерпевшего по делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе: сб. мат-лов Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 90-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2011. — 0,25 п. л.

53. *Дежнев А. С.* Проблемы совершенствования понятийного аппарата в сфере охраны семейных отношений при производстве по уголовным делам // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: мат-лы Международ. науч-практ. конф. М.: Московская академия экономики и права, 2011. — 0,3 п. л.

54. *Дежнев А. С.* Правовые последствия смерти потерпевшего в ходе производства по уголовным делам // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: мат-лы Международ. науч-практ. конф. Тюмень: Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 2011. Вып. 8. — 0,35 п. л.

55. *Дежнев А. С., Булатов Б. Б.* Обеспечение интересов семьи и несовершеннолетних при осуществлении привода в ходе производства по уголовным делам // Законодательство и практика. 2012. № 1. — 0,4 п. л. (авторство не разделено).

56. *Дежнев А. С.* Представительство интересов потерпевшего в уголовном процессе России // Проблемы предупреждения и борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы Всерос. науч-практ. конф. Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления, 2012. — 0,3 п. л.

Подписано в печать 19.02.2013 г.

Усл. печ. л. 2,6
Тираж 150 экз.

Уч.-изд. л. 2,5
Заказ № 48

ГПиОП Омской академии МВД России
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7